

ЮБИЛЕЙ ТОЛСТОГО ВЪ ВОЛОГДѢ.

Измышленный врагами Православной Церкви юбилей Толстаго не прошелъ безслѣдно и въ Вологдѣ. По предложенію гласнаго Юшина (содержателя извознаго промысла) Вологодская Городская Дума послала ему такую телеграмму:

„Вологодская Городская Дума привѣтствуетъ васъ, великаго писателя земли Русской, съ восьмидесятилѣтней годовщиной рожденія и горячо желаетъ еще на многіе годы здоровья и благополучія“.

Представитель отъ духовнаго вѣдомства, почтенный старецъ протоіерей А. П. Мальцевъ, конечно, протестовалъ, но его голосъ остался одинокимъ. На другой же день услужливая красная газетка оповѣстила о томъ, кому вѣдать надлежитъ.

Узнавъ объ этой телеграммѣ, православные жители Вологды стали выражать свою скорбь архипастырю, который и счелъ своимъ долгомъ протестовать отъ себя и отъ ихъ имени противъ такого оскорбленія ихъ религіознаго чувства. Вотъ письмо, съ коимъ онъ обратился къ Городскому Головѣ, С. М. Яковлеву:

Милостивый Государь,

Сергѣй Михайловичъ!

Святая Православная Церковь, въ лицѣ Святѣйшаго Синода, въ своихъ заботахъ о спасеніи Богомъ данныхъ ей чадъ, призывала ихъ воздержаться отъ всякаго участія въ чествованіи извѣстнаго богоотступника Толстаго, отрекшагося отъ Христа и отпавшаго отъ Церкви, напоминая о судѣ Божіемъ за такое участіе, ибо Богъ поругаемъ не бываетъ. Вѣрилось, что православные представители нашего, издревле благочестиваго города, не допустятъ и мысли объ оскорбленіи матери—Церкви явнымъ невниманіемъ къ ея голосу, непослушаніемъ ей и участіемъ въ чествованіи отлученнаго отъ Церкви богохульника. Какъ же прискорбно было мнѣ, недостойному пастырю града Вологды, да и не мнѣ только, а и всѣмъ православно-вѣрующимъ узнать, что Вологодская Городская Дума послала ему привѣтственную телеграмму! Знаете ли Вы, кого Вы привѣтствовали?—Вы привѣтствовали того, кто называетъ Господа нашего Иисуса Христа „мертвымъ іудеемъ“, а Пречистую Матерь Его поноситъ нестерпимо для вѣрующаго сердца; кто изуродовалъ глаголы жизни вѣчной—Святое Евангеліе и насмѣхается надъ святѣйшимъ Таинствомъ Божественнаго Причащенія такъ, что страшно повторять его кощунственныя слова; кто говоритъ, что Апостолы Христовы „лгали не хуже дьяволовъ“, называетъ ихъ богодухновенныя писанія „постановленіями хлыстовъ“, а проповѣданіе вѣры Христовой „гадкимъ дѣломъ“, кто священную исторію Ветхаго и Новаго Завѣтовъ

именуешь „ужасной книгой, самой вредной для людей и безнравственной“; кто Церковь Божию называетъ „изобрѣтеніемъ дьявола“, а ея божественное ученіе—„коварной и вредной ложью и собраніемъ грубыхъ суевѣрій и колдовства, полного ужаса, глупости и жестокости“, насъ же, служителей Церкви, обвиняетъ въ обманѣ и подлогѣ Евангелій, въ мошеннической замѣнѣ ученія Христового своею выдумкой; кто всѣ таинства нани называетъ „грубымъ колдовствомъ“, а святые иконы — „чурбанами“; кто посягаетъ и на невинныя души дѣтей, призывая родителей не обучать ихъ Закону Божию, и заявляетъ, что „истязаніе, убійство, изнасилованіе — ничто въ сравненіи съ преподаваніемъ Закона Божія“; кто, наконецъ, съ бѣсовскою злобою возвѣстилъ всему міру, что онъ позаботился въ своемъ завѣщаніи, чтобы его близкіе, когда онъ будетъ умирать, не допускали къ нему церковныхъ служителей и мертвое его тѣло „убрали бы поскорѣй, безъ всякихъ молитвъ и заклинаній (!?), какъ убираютъ всякую ненужную и противную вещь“... Нужно ли говорить о его подстрекательствахъ къ ниспроверженію всякой власти, къ уничтоженію семьи, къ попранію и разума, и совѣсти, и чести? Довольно сказать, что священную Особу Государя Императора онъ клеймитъ именемъ „грабителя“ и съ ужаснымъ цинизмомъ издѣвается надъ священнымъ таинствомъ Мвропомазанія на царство Государей нашихъ. Онъ подстрекаетъ крестьянъ не платить податей, не отпускать сыновей своихъ на службу Царю и Родинѣ. „Всѣ усилія людей, пишетъ онъ, должны быть направлены къ тому, чтобы избавиться отъ всякаго правительства, уничтожить его“. Любовь къ Отечеству онъ называетъ „чувствомъ грубымъ, постыднымъ, неразумнымъ, вреднымъ, корыстнымъ, даже безнравственнымъ!“ Но довольно! Сердце содрогается, страшно становится отъ всѣхъ этихъ богохульствъ и безумствъ! Такъ вотъ кого привѣтствовала Вологодская Городская Дума своею телеграммою! Не больно ли, не обидно ли все это для вѣрующихъ вологжанъ? И они дѣйствительно, обращаются ко мнѣ съ своею скорбію, они заявляютъ мнѣ, что не уполномочивали свою Думу на такой поступокъ, глубоко оскорбляющій религіозное чувство и достоинство православно-вѣрующихъ христіанъ. Вотъ почему я долгомъ почитаю, отъ лица сихъ смиренныхъ рабовъ Божіихъ, отъ лица всѣхъ православныхъ, живущихъ въ нашемъ издревле благочестивомъ градѣ, протестовать противъ оскорбительнаго для Церкви Божіей поступка Вологодской Городской Думы. Толстой поноситъ и бичуетъ нашего Господа, а наша Дума привѣтствуетъ и чествуетъ сего богоотступника? Толстой топчетъ и неистово хулитъ Церковь Божию и злобно издѣвается надъ нашими за вѣтными святынями, грабитъ сокровища народной души, толкаетъ на ужасныя религіозныя преступленія и звѣрства цѣлыя массы

несчастныхъ, сбитыхъ имъ съ толку, а хрістіане шлютъ этому богохульнику привѣтственные телеграммы? Церковь приглашаетъ воздержаться отъ всякаго участія въ юбилей Толстаго, а православные представители Вологды, наперекоръ Церкви, шлютъ ему горячій привѣтъ? Что это: открытое ли пренебреженіе къ матери Церкви, или только безсознательное увлеченіе модными вѣяніями нашего безбожнаго времени? Если Толстой есть „великій учитель“, то лучше открыто отречься отъ Хріста, перестать называться хрістіанами и идти за Толстымъ. А если поносимый имъ Хрістосъ, нашъ Господь, есть Сама воплощенная Истина, то Его одного и подобаетъ слушать! Какъ мнѣ ни тяжело это, Сергѣй Михайловичъ, а я долженъ сказать это горькое слово. Слишкомъ ужъ наболѣло на душѣ—не у меня только, нѣтъ, а у всѣхъ истинно вѣрующихъ русскихъ людей, слишкомъ тяжело дышется отъ этого—простите—скажу рѣзкое слово: преступнаго равнодушія къ голосу Церкви, къ вѣрѣ, къ заповѣдямъ святыхъ Апостоловъ Хрістовыхъ и Самого Хріста! Какъ пастырь Церкви, я не могу молчать! Апостолъ любви, Іоаннъ Богословъ, заповѣдуетъ о нечестивыхъ еретикахъ, подобныхъ Толстому: *не пріемлите его въ домъ и радоватися ему не глаголите, глаголюй бо ему радоватися, кто привѣтствуетъ такого врага Божія, тотъ сообщается дѣломъ его злымъ*, становится причастникомъ его злыхъ дѣлъ (2 Іоан. 10. 11). А другой великій Апостолъ Павелъ грозно говоритъ: *аще мы—даже если мы сами, Апостолы, или даже Ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ: анаѡема да будетъ!* И еще разъ тутъ же повторяетъ эту клятву (Гал. 1, 8. 9). А въ другомъ мѣстѣ онъ же восклицаетъ: *аще кто не любитъ Господа Іисуса Хріста, да будетъ проклятъ—маранафа—до пришествія Господня!* (1 Кор. 16, 21). И подъ сію-то апостольскую клятву, подъ сію ужасную анаѡему самъ себя подвелъ Толстой! Возможно ли послѣ сего для хрістіанина какое-либо общеніе съ нимъ?

Знаю, вы мнѣ скажете, что привѣтствуете не еретика, а „великаго писателя“. Но во первыхъ: вѣдь вы хрістіане? А слышите, что говоритъ Хрістосъ: *иже любитъ отца или мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Мѡ. 10, 37). Значить, кто любитъ литературу больше Хріста, тотъ не достоинъ называться хрістіаниномъ. А во вторыхъ: ужели вы не знаете, что Толстой уже давно отрекся отъ тѣхъ писаній, за которыя можно было его привѣтствовать, онъ считаетъ ихъ позоромъ для себя? Что жъ? Ужели наша Дума хотѣла напомнить ему этотъ позоръ? Но вѣдь это просто неприлично, это и для Толстаго оскорбительно! Не звучитъ ли такое привѣтствіе злою насмѣшкой надъ несчастнымъ, гордостью ослѣпленнымъ старикомъ? Или, можетъ быть, Вы воспользовались его восмидесятилѣтіемъ, чтобы съ любовью ска-

зять ему: пора вамъ, дорогой Левъ Николаевичъ, вспомнить свое хорошее прошлое, пора предъ Богомъ покаяться, со Христомъ примириться, пора бросить свои гибельныя заблужденія, перестать соблазнять малыхъ сихъ! Мы хотѣли бы всѣмъ сердцемъ любить васъ, какъ родного нашего поэта, но мы всѣмъ же сердцемъ отвращаемся отъ вашихъ богохульныхъ лжеумудрованій: дайте же намъ радость видѣть васъ кающимся у подножія креста Христа!— Нѣтъ, этого вы конечно, не сказали. Такъ зачѣмъ же было привѣтствовать въ немъ, прикрываясь только его художественными произведеніями, врага Вашей родной матери—Церкви, врага родины—Россіи, врага Царя—Божія Помазанника, и—сказать ли, и вашего недруга, потому что по его разсужденіямъ всякая Городская Дума есть „совершенно пустое, бесполезное учрежденіе“.

Повторяю: привѣтственная телеграмма нашей Городской Думы ересіарху Толстому произвела немалый соблазнъ среди вѣрующихъ гражданъ Вологды. Сообщая о семъ, долгомъ считаю, какъ архипастырь Вологодской Церкви, просить Васъ, милостивый Государь, во успокоеніе смущенной совѣсти вѣрующихъ вологжанъ, опредѣленно отвѣтить мнѣ: какъ смотрѣли члены Думы, посылая телеграмму Толстому, на его богохульныя, еретическія и революціонныя писанія послѣднихъ 25 лѣтъ его литературной дѣятельности? Осуждаютъ ли они, вмѣстѣ съ Церковію, эти сочиненія, и, если отъ имени Думы, а слѣдовательно и города, осуждаютъ, то чѣмъ руководились, привѣтствуя сего богохульника за его прежнія художественныя произведенія, имъ же отвергаемыя, не имѣя притомъ на такое привѣтствіе спеціальныхъ полномочій отъ православныхъ жителей города?

Напоминаю Вамъ слово Божіе: *касайся смоль очернится, и приобщаяйся гордому подобенъ ему будетъ* (Сир. 13, 1). И *Богъ поругаемъ не бываетъ!* (Гал. 6, 7).

Никонъ Епископъ Вологодскій и Тотемскій.

Спустя двѣ недѣли Городской Голова отвѣтилъ Преосвященному слѣдующимъ письмомъ:

Ваше Преосвященство

Преосвященнѣйшій Владыко!

Получивъ письмо, которымъ Вамъ угодно было меня почтить, я тотчасъ же приступилъ къ исполненію Вашего желанія и ознакомилъ съ его содержаніемъ лицъ принимавшихъ участіе въ посылкѣ телеграммы 28 Августа. Замедлить отвѣтомъ нѣсколько пришлось вслѣдствіе внезапнаго моего отъѣзда въ Петербургъ по дѣламъ службы.

Крайнее сожалѣніе было высказано всѣми узнавшими, что посланное ими привѣтствіе Графу Толстому могло возбудить недовѣріе къ ихъ непоколебимой вѣрности нашей православной

Церкви. Вопросовъ религіозныхъ и политическихъ, на которые Ваше Преосвященство желаетъ получить отвѣтъ, Дума не касалась и не обсуждала. Тѣ произведенія, о которыхъ Вы пишете, намъ неизвѣстны, такъ какъ они не допущены къ обращенію. Большинству изъ насъ, (какъ и всему цивилизованному міру) извѣстны лишь капитальныя произведенія Графа Толстаго, какъ Война и Миръ и т. п.

Почитаніе таланта, Богомъ даннаго, происходило во всѣ времена и всѣми народами, (у всѣхъ народовъ?) что гласные и имѣли въ виду, посылая 28 Августа привѣтствіе талантливому старцу писателю.

Исполнивъ Ваше, Владыко, желаніе, прошу принять увѣреніе въ искренности глубокаго къ Вамъ уваженія, съ которымъ имѣю честь быть Вашего Преосвященства

Покорный слуга С. Яковлевъ.

На это письмо Преосвященный отвѣтилъ съ своей стороны слѣдующимъ архипастырскимъ посланіемъ на имя Городскаго Головы:

Милостивый Государь,
Сергѣй Михайловичъ!

Письмо Ваше отъ 28 сентября за № 3384 и порадовало меня, и опечалило. Порадовало, ибо Вы, какъ хрістіанинъ, говорите о своей непоколебимой вѣрности нашей Православной Церкви; опечалило, ибо изъ него вижу, что эту вѣрность Вы понимаете не по духу ученія Церкви. Во всякомъ случаѣ письмо Ваше даетъ мнѣ, какъ архипастырю, право, не допуская и мысли о неискренности съ Вашей стороны и слѣдуя ученію слова Божія: „не обличай злыхъ, да не возненавидятъ тя, обличай премудра, и возлюбитъ тя“ (Притч. 9, 8), говорить съ Вами, какъ съ православно-вѣрующимъ хрістіаниномъ, какъ съ сыномъ вѣренной мнѣ Богомъ паствы.

Вы и сочлены Ваши по Думѣ выражаете „крайнее сожалѣніе, что посланное Вами привѣтствіе графу Толстому могло возбудить недовѣріе къ Вашей непоколебимой вѣрности нашей Православной Церкви“. Но эта непоколебимая вѣрность должна прежде всего выражаться въ уваженіи и послушаніи Церковной Власти: слушай васъ Мене слушаетъ, глаголетъ Господь, и отменяйся „васъ Мене отменяется (Лук. 10, 16). Аще и Церковь преслушаетъ братъ твой, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь“ (Матѣ. 18, 17). Между тѣмъ вы не нашли нужнымъ внять призыву Церкви, приглашавшей воздержаться отъ всякаго участія въ чествованіи Толстаго и чествовали его вопреки голосу матери Церкви. Не въ правѣ ли мы, православно-вѣрующіе, усумниться въ Вашей „непоколебимой вѣрности“ Церкви? Если Вамъ неизвѣстны, какъ Вы пишете, запрещенныя еретическія произведенія Толстаго, то

для непоколебимо вѣрнаго сына Церкви довольно знать—а этого Вы не могли не знать—что Толстой отлученъ отъ Церкви. Вѣрные и непоколебимо преданные сыны Церкви не позволяютъ себѣ свое мнѣніе ставить выше рѣшенія матери Церкви, а тѣмъ паче—ослушаться ея. Да и по здравому нравственному чувству—если бы кто сталъ поносить Вану мать, Вашего отца, какъ Толстой поносить Церковь, къ такому человѣку Вы конечно не пойдете на именины, хотя бы это былъ самъ Гомеръ, Шекспиръ или Эдиссонъ... Итакъ, по долгу пастыря Церкви, коей Вы себя почитаете „непоколебимо вѣрными“ чадами, я напоминаю Вамъ долгъ послушанія ей.

Вы говорите, что гласные имѣли въ виду „почитаніе таланта, Богомъ даннаго“. Но во первыхъ, что такое талантъ? Талантъ есть способность—въ данномъ случаѣ способность художественнаго творчества; и умъ, и физическая сила, и другіе дары природы суть также Богомъ данные таланты. Всякій талантъ, взятый отдѣльно отъ носителя своего, есть понятіе отвлеченное, и почитать его отдѣльно отъ личности, имъ одаренной, нельзя: это было бы идолопоклонство. Посему надобно не талантъ почитать, а Подателя его—Господа Бога. Во вторыхъ: если ужъ подобаешь воздать честь носителю Божія таланта, то лишь въ такомъ случаѣ, если онъ свой талантъ употребляетъ только согласно съ волею Божіей, а не на погибель свою и другихъ. Не станете же Вы почитать силу богатыря, если онъ употребляетъ ее на насиліе, талантъ художника или поэта, пишущаго порнографическія статьи или картины. И пока Толстой писалъ художественныя произведенія, возбуждавшія любовь къ родинѣ и заставлявшія звучать въ душѣ лучшія, благороднѣйшія струны русскаго сердца, дотогдѣ онъ заслуживалъ почитанія, а какъ скоро отрекся отъ такихъ писаній и весь свой талантъ отдалъ на служеніе злу, на разрушеніе вѣры, онъ не только не заслуживаетъ никакого почитанія отъ православныхъ, но и достоинъ порицанія за злоупотребленіе даннымъ отъ Бога талантомъ. Если въ притчѣ осужденъ сокрывшій талантъ, то для злоупотребившаго талантомъ судъ будетъ еще строже. И если мы будемъ рассуждать иначе, то логически придемъ къ необходимости почитать талантъ и падшаго Денницы: кто изъ земнородныхъ можетъ сравниться съ нимъ въ дарованныхъ ему талантахъ—духовныхъ совершенствахъ? Его богоневистному лукавству обязанъ своими гибельными заблужденіями и нашъ несчастный писатель графъ Толстой.

Видите, многоуважаемый Сергѣй Михайловичъ, куда заводитъ самочиніе въ вопросахъ вѣры и церковной жизни. Надѣюсь, что мое мирное слово будетъ и Вами принято съ миромъ. По мѣрѣ моихъ силъ и по требованію моей архіерейской совѣсти я только исполняю мой пастырскій долгъ въ отношеніи тѣхъ, которые

почитають себя вѣрными сынами Церкви. Горе мнѣ, говорилъ Апостоль Христовъ, аще не благоувѣствую! Горе и намъ, пастырямъ, если мы, видя волка грядущаго, оставляемъ овецъ безъ вразумленія: волкъ расхититъ ихъ и распудитъ овцы.

Желаю Вамъ милости Божіей.

Никонъ Епископъ Вологодскій и Тотемскій.

Октября 9 дня 1908.
